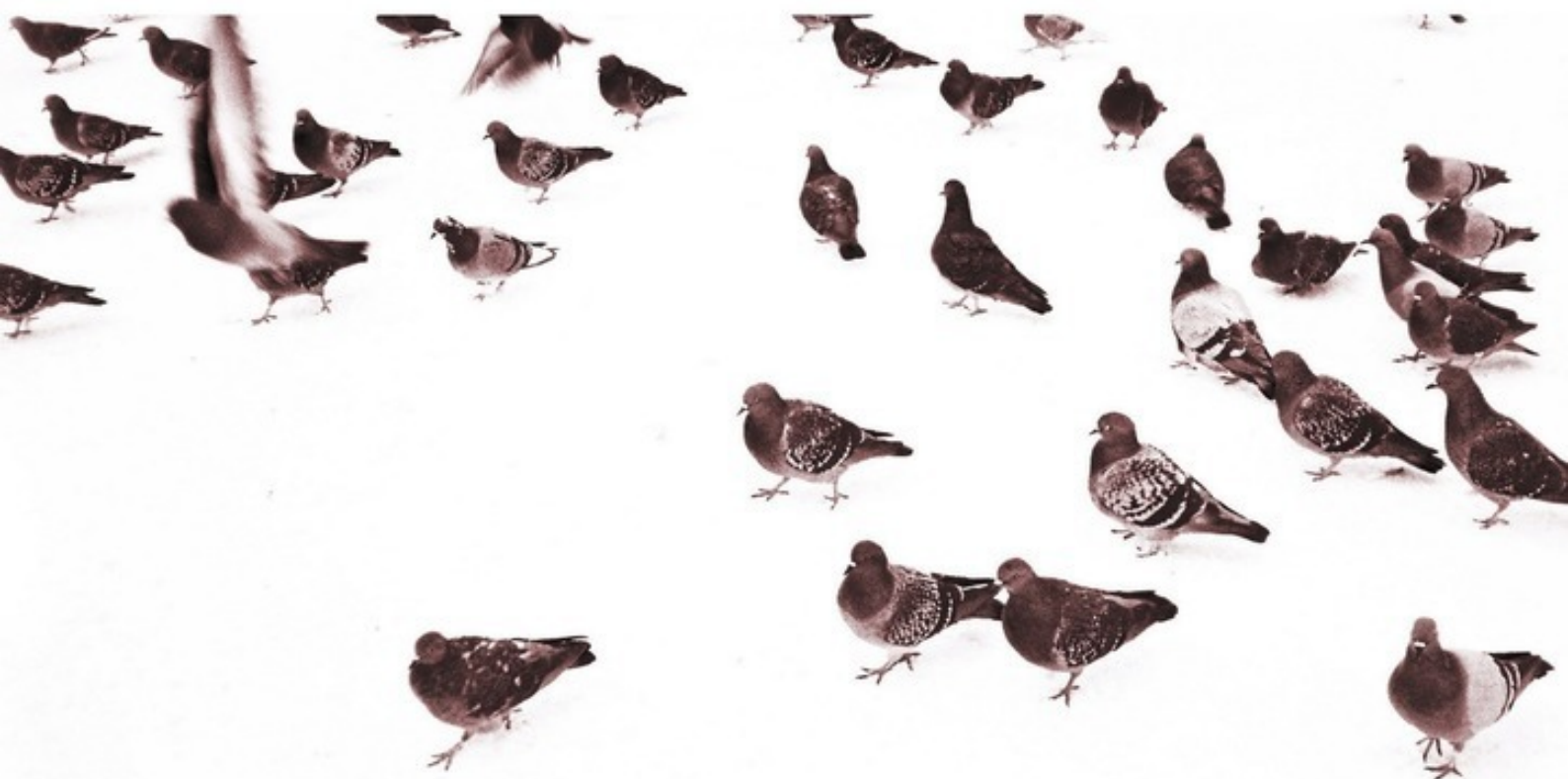

Татьяна Славская

**О, ТАЙНЫЕ
ПРИРОДЫ
ПИСЬМЕНА...**

Светопоэма

Татьяна Славская

**О, тайные природы
письмена... Светопозма**

«Издательские решения»

Славская Т.

О, тайные природы письма... Светопоэма / Т. Славская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831529-9

Себе сказав — не суетись, до вечного сейчас нет дела, я вдруг сумела
обойтись тем, что здесь рядом — зеленело, цвело, от ветра шелестело,
тянулось ввысь, летало, пело, творя своё святое дело — творя обычной жизни
вязь, всего со всем живую связь...

ISBN 978-5-44-831529-9

© Славская Т.
© Издательские решения

Содержание

«Всю жизнь искала я ответ...»	7
«Я тень свою оставлю на Земле...»	8
«В этой книге...»	9
Мгновение	10
Вдохновение	12
Отдельное и Общее	14
Сиюминутное и Вечное	16
«Был миг отчаянных сомнений...»	17
Идеальное и Реальное	18
Единой тропой	19
Свой остров	21
«А это – мой остров в минуты заката...»	23
Земные огни	24
Точка света	26
Прозрение	28
Созерцание	30
Зелёные волны	31
«Не стану...»	32
«Лучи	33
«Лишь миг назад всё было как во мгле...»	33
«О, Солнце, мгновенно под светом твоим...»	34
«Вопреки прогнозам спорным...»	35
«А потом рванутся наземь...»	36
«Здесь ветви, потемневшие от холода...»	37
«Во дни разлук...»	38
«В весенний день и в летний, и в осенний...»	39
«Сквозь капли дождя, что видны на окне...»	40
«Мне Солнце – друг. А как иначе – друг...»	41
«Из настроенья полусонного...»	42
«Томительным покоем всё объято...»	43
«Полоской яркой отделил закат...»	44
«А наутро – рассвет и чистейшее зимнее небо...»	45
«Всего лишь три дня между этими фото...»	46
«Апрель. И в небо рвутся почки...»	47
«Тропинка к Солнцу...»	48
«Так пронизано светом пространство вокруг...»	50
«Здесь время дня и время года...»	51
«Весна. И первая трава...»	52
«Когда в душе наведены мосты, налажены порушенные связи, пусть под ногами хлябь и комья грязи – ты ощущаешь радость высоты...»	53
О чём ты, Небо, спрашиваешь нас?	54
«Сначала	56
«– Я грозное Небо считаю прекрасным...»	58
«Два облака белых – как мать и ребёнок...»	59
«Из облака на синем Небе...»	60

«Ветвей пленительная вязь...»	61
«В том высоком небесном свечении...»	62
«Пожар на Небе – не земной пожар...»	63
«Узор ветвей и нежность облаков...»	64
«...А запрокинешь голову, и там —...»	65
«И даже если тучи набегут...»	66
«Движение, скорость в том облаке белом...»	67
«Вы так близки мне, облака...»	68
«О, Господи... какие облака...»	69
«А это – чем не сфинкс, не лев крылатый...»	70
«Есть в небе тропинки свои и дороги...»	71
«Вы были целостным, большим...»	72
«Но на моих, моих глазах...»	73
«Зимой и летом, и весной...»	74
«Вы объяснить сумели мне бы...»	75
«Потом, совсем потом, уже в тиши...»	76
«Осенние кроны и синь поднебесья...»	77
«Ты, Дерево, живое существо...»	78
«Слов не ищи – молчаньем отзовись...»	79
Как в природе этакое строится?	80
Стволы и корни	81
Стволы и листья	82
Кроны	83
«Душа наполненно-светла...»	84
«О, если с балкона, хотя бы с балкона...»	85
«Зима. И кронам оголённым...»	86
Ветви	87
«Обычные ветви...»	88
Ветви и листья	89
Листья	90
«Сошёл листопад на поверхность пруда...»	91
«Неужели, неужели, – шепчут листья, —...»	92
«Там, в небесной чистой выси...»	93
«Когда последний лист на твердь ложится —...»	94
Последний лист	95
Стволы	97
«Я знала дерево, что сбросило кору...»	98
«Причудливо изогнуты стволы...»	99
Кора	100
«У коры берёзовой невольно я...»	101
«Здесь на коре берёзовой, осенней...»	102
«А здесь, а здесь – всю ночь и на заре —...»	103
«Вот птица многокрылая. Она...»	104
«И абрис древних, вечных пирамид...»	105
«А это – чем не колокол, чей звон...»	106
«У коры берёзовой невольно я...»	107
«Бросаю взгляд неспешный свой окрест...»	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

О, тайные природы письма...

Светопэма

Татьяна Славская

*Эта книга – для взрослых,
которые когда-то были детьми,
и для детей, которые станут взрослыми.*

© Татьяна Славская, 2016

ISBN 978-5-4483-1529-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Всю жизнь искала я ответ...»

*Всю жизнь искала я ответ
на то, чему ответа нет,
всю жизнь я думала о том,
зачем? куда мы? где мы?
Об этом и фотоальбом —
Фотопоэма.*

*Фотопоэма? Да и нет,
ведь «photos» – означает «свет»
(Небесный свет или Земной —
здесь нет дилеммы),
и, значит, созданное мной —
Светопоэма...*

«Я тень свою оставлю на Земле...»

Перед закатом фотоаппарат,
когда стояла я спиной к солнцу,
нечаянно запечатлел на снимке
огромную, в три роста, тень мою.

Душа всегда готовится к зиме —
весна вокруг или в разгаре лето...
Я тень свою оставлю на Земле,
хотя б на фото, – в окруженьи света.

«В этой книге...»

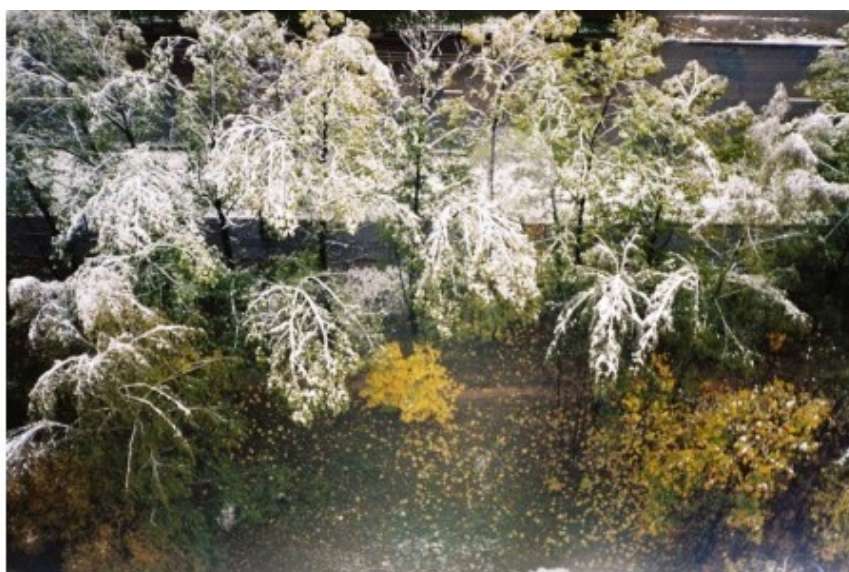
*В этой книге
и взгляд мой, и сердце, и голос,
это соло моё,
хоть и странное соло —
о Природе живой,
как о самом прекрасном.
о Природе вещей,
где так много неясного.
о Природе души —
это тоже Природа, где погода своя
и своя – непогода, о желаньи души – я надеюсь,
нетленной, — оставаться
живою частичкой Вселенной...*

*

Мгновение

Мгновение... Оно – живое.
В нём нет застоя. Нет покоя.
Оно изменчиво. Беспечно.
Неуловимо быстротечно.
Оно как вдох, как часть дыханья.
Оно – и первое свиданье
с любой частицей Мирозданья.

Эти три октябрьских мгновения
мне – три вдоха для вдохновения.

Вдохновение

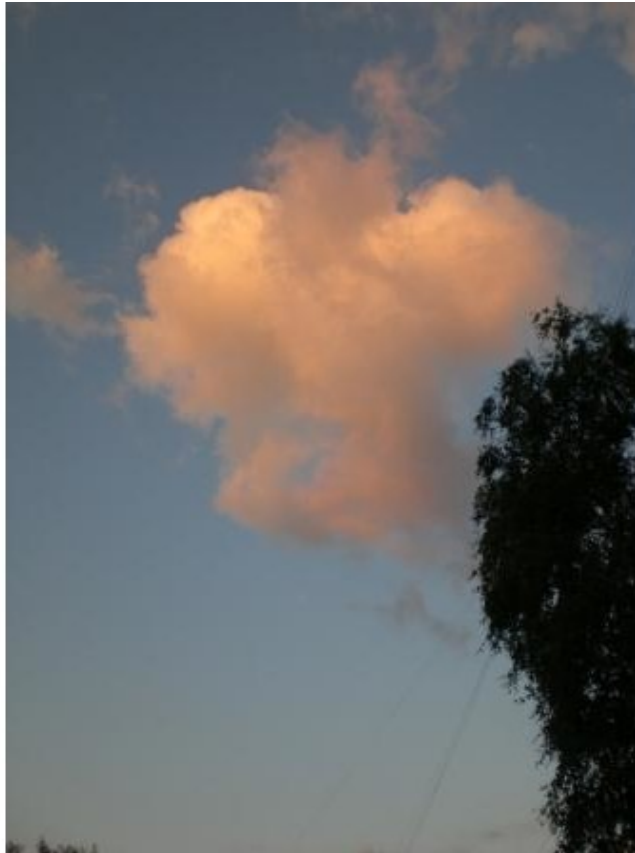
Люблю стоять над отраженьем —
пусть это даже просто лужа:
моей душе так остро нужен
тот, новый, зыбкий сдвиг, смещение
того, что стало отраженьем.

О, краткий миг преображенья,
едва заметного другим!
Он для меня – уже движенье,
начальный слог стихотворенья,
а в нём – Природе светлый гимн,

тот гимн, что всем земным поэтам
не завершить за вечны лета.

И с неосознанным томленьем,
всё нарастающим волненьем
касаюсь я листка тетради...
А началось всё с отраженья,
с едва заметного движенья
на водной глади.

Отдельное и Общее

Здесь, в облаке, отдельно взятом,
гореньем внутренним объёмом, —
мне явлена вся мощь заката
так ярко, яростно и зримо,
так сущностно и так неповторимо...

И так во всём. Всегда, во всём,
что видится нам как *Отдельное*,
являет *Общее* объём
и полноту – почти предельную.

Но в том коротеньком «почти»
начало долгого пути —

к познанию, к поиску, к слиянию
с судьбою *общей* – Мироздания —
твоей души, *отдельно* взятой,
гореньем внутренним объёмом.

Post Script.

Твоей душе, *отдельно* взятой,

гореньем внутренним объятой,
желаньем поиска охваченной, —
так много в жизни предназначено,
так много в жизни предначертано —
для *общего*, почти бессмертного.

Но... что ещё есть в том «почти»?
Иди. И узнавай в пути

Сиюминутное и Вечное

Здесь шмель колдует в чашечке цветка,
дрожат на листьях капельки дождя...
Душой и плотью в миг тот уходя,
о Вечном я не думаю. Пока.

«Был миг отчаянных сомнений...»

Был миг отчаянных сомнений...
И мне подумалось тогда:
жизнь – это лишь поток мгновений
из Ниоткуда в Никуда.

Потом от мига не осталось
и лёгкой тени, и следа...
И мне подумалось тогда,
что горький миг – всего лишь малость,
и даже горе, так уж случилось,
и даже горе – не беда.

А что – беда? То знаю я?
В живом пространстве Бытия
есть всё... Но здесь, в июне, летом,
зачем, зачем *сейчас* об этом,
когда вокруг – потоки света,

и неба синь, и листьев шелест...
Тогда... какой же я «пришелец»
из Ниоткуда? В Никуда
я тоже не спешу явиться.
Тогда зачем же суетиться,
решать, что – горе, что – беда?

Себе сказав – не суетись,
до вечного сейчас нет дела,
я вдруг сумела обойтись
тем, что здесь рядом – зеленело,
цвело, от ветра шелестело,
тянулось ввысь, летало, пело,
творя своё святое дело —
творя обычной жизни вязь,
всего со всем живую связь.

И лишь тогда – не суетясь! —
так жадно, так не торопясь,
так детски-безоглядно, смело
я предалась душой и телом
сиюминутно-быстротечному...

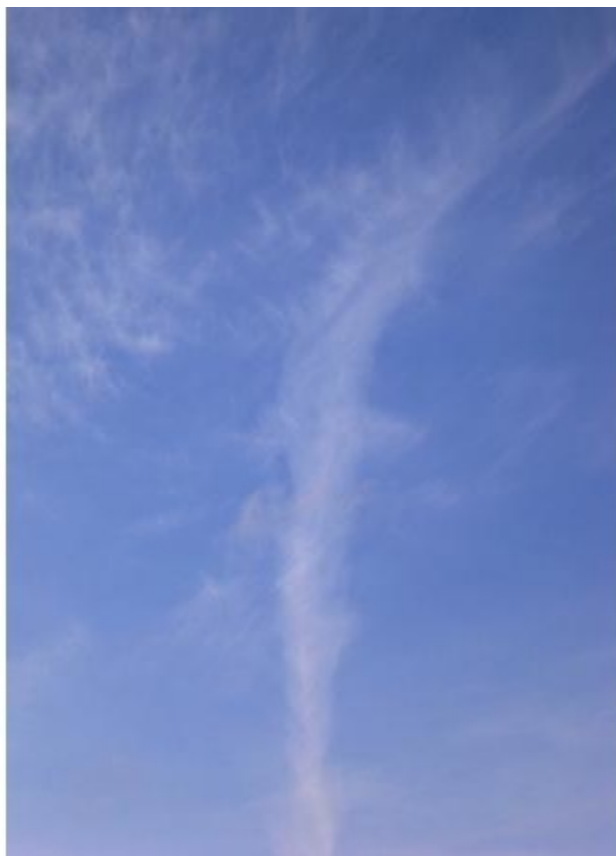
*А что иное
полнит
Вечное?*

Идеальное и Реальное

Средь тревог и обид, средь непрошенных слёз
вспомню крошечный, мною придуманный, плёс
с отраженьем небес, с отраженьем берёз.
И в пространстве том – мной нарисованных грёз —
оживает душа, высыхает от слёз,
и светлеет в ней, ширится крошечный плёс
до масштабов иных, до пространства реального...
Приглашаю и вас в ту страну идеального,
где расклады свои и свои постижения.
А начало всему – лишь берёз отражение
в тихой заводи в августе этого года,
в предосеннюю, ясную чудо-погоду.

Единой тропюю

Есть тропы земные и тропы небесные —
и как же бродить мне по ним интересно!
Брожу по земным – и слагаются песни.
О чём? Ну конечно же – о поднебесье.
Брожу по небесным я тропам – *земное*
мгновенно является в песенном строе.
Небесные тропы и тропы земные
приводят меня в измерения иные,
где всё неразрывно и радостно слито,
и щедро, распахнуто, жадно открыто
тем странникам вечным, что песни слагают,
не разделяя... не разделяя,
считая Небесное всё и Земное
единым и слитным – Единой тропой.

Свой остров

И остров *свой* есть у меня...
И ночью, и средь бела дня,
и в зной, и в снежную пургу
я побывать на нём смогу.

И не помеха мне погода —
дожди и ветры, грязь и снег,
в любое время дня и года
принадлежит мой остров мне:

его закаты и рассветы,
и сумерки, и буйство лета,
его просторные поляны,
и дух земли – такой медвяный...
Там всё вокруг – ни взять ни дать! —
Природы свет и благодать.

Но где же остров тот далёкий?
Далёкий? Нет, достанет око
тот остров: выйду на балкон —
и предо мной предстанет он

живым началом лесопарка,
судьбы нечаянным подарком,
Природы первозданным зовом...
И, побывав в краю ином,
я возвращаться буду снова
к тебе, мой остров за окном.

«А это – мой остров в минуты заката...»

А это – мой остров в минуты заката,
струящейся радугой щедро объятый,
объятый так ярко, так радостно-зримо,
что скоро потянутся к нам пилигримы
вкусить Благодати земной и небесной,
которой везде есть и время, и место.
Здесь чувствую так полномерно и остро я,
что радуга – да! – начинается с острова,
и радуге этой я жадно внимаю,
и вижу вдруг – с неба нисходит вторая...

Земные огни

Вдруг показалось... иль приснилось мне,
послышалось, что где-то в вышине

душа живая горько, тихо плачет.
Взмахнув крылами – ну а как иначе? —

преодолев земное тяготенье,
прозрачной, лёгкой, призрачную тенью

я взмыла вверх, решимости полна...
Пятном далёким брезжила луна,

был воздух густ и тёмн, и зернист —
уже не воздух, а само Пространство,
куда наш путь земной, что так тернист,
ведёт нас всех с упрямым постоянством.

...Огни земные светом из окна
о возвращеньи мне напоминали,
а круг луны – о, как близка она, —
меня манил в неведомые дали...

Но... почему такая тишина —
ни плача здесь, ни шороха, ни звука...
А там, внизу, из каждого окна
меня и дом, и свет земной аукал.

«Ау-у... вернись, там пусто и темно,
а здесь огнями хоть одно окно
в любую ночь, всегда, — освещено...»

И, крылья опустив, я пала вниз,
от сна очнувшись перед приземленьем.

Спасибо вам, часы мои ночные,
полёты, в коих выпало понять:
они во мне — мои огни Земные,
и тернии Земли, и благодать.

Точка света

Днём, случайным среди множества дней,
на тропинке забытого сада
паутины ветвей, паутины ветвей
я коснулась нечаянным взглядом.

Так бывает и в нас
в некий, горестный, час:
перепутаны тонкие нити
наших споров с собой,
наших связей с судьбой —
взянем мы в паутине событий.

В паутине житейских баталий,
суеты и привычных реалий,
в паутине тоскливых сомнений,
неудач, передряг, невезений...

Но потом... донесенный ли ветром?..
тихий свет, словно солнце сквозь ветви,
вдруг проступит в душевной глубине...
Тихий свет... И пойдут на убыль

те бесчисленные печали,
что нам жизнь по сей день омрачили.

А за ними и все невзгоды,
все житейские непогоды,
неувязки, тревоги, сбои,
растворившись, сольются с тьмою.

И останется только это —
точка света в душе, *точка света*,
что осветит – я верю! – собою
всё, что мы называем Судьбою.

Точка света всё ярче, сильнее —
этот свет мне насущнее хлеба!
...В паутине ветвей, в паутине ветвей
проступают и Солнце, и Небо.

Прозрение

Бывают дни, что круги ада, —
в них дух разлада и распада,
и очевидно лишь одно:
как много, Господи, нам надо,
как мало, в сущности, дано.
Тогда, отчаяньем ведома,
бегу из сутолоки дней,
и лес, что в двух шагах от дома,
дает приют душе моей.
И в миг, когда на сердце камень
жизнейских распрей и обид,
дано мне ствол обнять руками
и одиночество избыть.
И, прислонясь щекой к берёзе,
я не пытаюсь отличить,
её ль, мои ли это слёзы
стекают землю окропить...
И лишь пройдя сквозь круги ада,
сквозь все невзгоды и печали,
в конце пути, а не в начале,
понять мне было суждено:

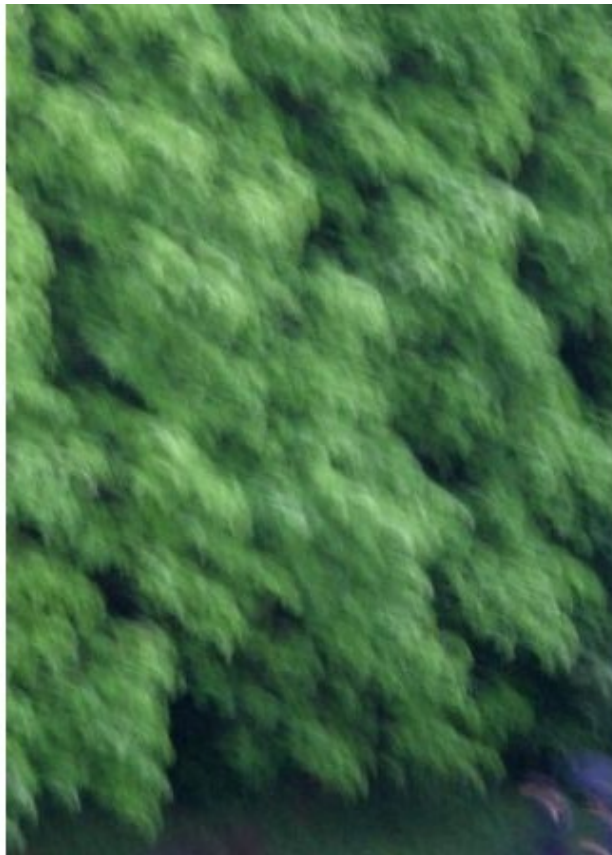
как мало, в сущности, нам надо,
как много, Господи, дано.

Созерцание

- Это – нежность. Просто нежность.
Неба синь. И – белоснежность
облаков на этой сини...
- А ветвей штрихи и линии?
- Это – тоненькие нити
нашей связи с Мирозданием,
это – ниточки наитий,
что ведут к самопознанию.
- Вы меня не убедите.
- Что ж, начните... с созерцания.

Зелёные волны

Мне кажутся волнами, кажутся волнами
зелёные кроны, что ветром наполнены.
Они не сравнимы с морской волною,
что радует нас красотой *земною*, —
зелёные волны царят в поднебесье
как музыка сфер, как дыхание весей,
меня поднимая своей красотой
над всю житейскую суетою.

И если вдруг вспомню те кроны невольно я —
рассудком я их воскресить не вольна, —
дыханием чистым, *зелёными* волнами
прихлынет к моим берегам тишина.
И если душа моя знает, что где-то
в сомнениях тонет душа утомлённая,
туда посылаю я волны *зелёные*
Добра и Любви... И Надежды. И Света.

«Не стану...»

*Не стану
доводить до совершенства
любой из снимков
суть его в ином: на каждом – миг, окрашенный блаженством
присутствия — в Небесном и Земном*

*...Это я рисовала Светом. Я. Сама. Рисовала. Светом. Зимний
вечер. И полдень лета. И весенних ветвей размах. Все «увы...» свои,
все свои «ах!»*

*Это я рисовала Светом — он душой моей был и кистью, когда я
рисовала листья
красно-желто-зелёного цвета, когда я опускала тени
крон, стволов на поляны весенние...*

Это я рисовала Светом. И спасибо Свету за это

«Лучи Светила, льющиеся наземь...»

«Лишь миг назад всё было как во мгле...»

Лишь миг назад всё было как во мгле
и серыми казались краски жизни...
Вдруг эти блики Солнца на земле —
как радости нечаянные брызги.
И тягой к свету полнится душа,
в нём растворяя тайное, печальное,
и тает грусть, как облачко случайное,
что мимо проплывает не спеша.

«О, Солнце, мгновенно под светом твоим...»

О, Солнце, мгновенно под светом твоим
всё в мире становится дивно иным...

«Вопреки прогнозам спорным...»

Вопреки прогнозам спорным,
отдохнув слегка в ночи,
из-за туч, угрюмо-чёрных,
Солнца вырвутся лучи.

«А потом рванутся наземь...»

А потом рванутся наземь:
«Мы согреем, мы окрасим
в синий – небо, в жёлтый – листья,
что на веточках зависли.
Всё оденем, если надо,
в очень светлые наряды,
в очень светлые обновы...»
И лучи сдержали слово.

«Здесь ветви, потемневшие от холода...»

Здесь ветви, потемневшие от холода,
в лучах рассветных отливают золотом.

«Во дни разлук...»

Во дни разлук,
тревог,
сомнений
в душе
как талисман
я берегу
закат
и лес,
и голубые тени
на розовом снегу.

«В весенний день и в летний, и в осенний...»

В весенний день и в летний, и в осенний
всё, что под Солнцем, оставляет тени.

«Сквозь капли дождя, что видны на окне...»

Сквозь капли дождя, что видны на окне,
сквозь грусть, что в душе затаилась,
ты, Солнце, я знаю, прорвёшься ко мне,
чтоб жизнь моя вновь осветилась
надеждой (а как без надежды прожить?),
любовью (ещё не иссякшей и верной),
и – словом, чтоб лучший из гимнов сложить
твоей благодати... Высокой. Безмерной

«Мне Солнце – друг. А как иначе – друг...»

Мне Солнце – друг. А как иначе – друг,
когда все окна в комнатах – на юг!
И радуется шестнадцатый этаж,
и путается Солнце в занавесках,
а там, за ними, голубой мираж —
небесная прозрачная завеса.
И горизонта линия видна,
а крон не различаю – только помню...
И всё – со мной, я с этим не одна
в тиши своих, обжитых с Солнцем, комнат.

«Из настроенья полусонного...»

Из настроенья полусонного,
мгновенно вызволит меня
снег, заискрившийся на солнышке
среди бела, бела, бела дня.

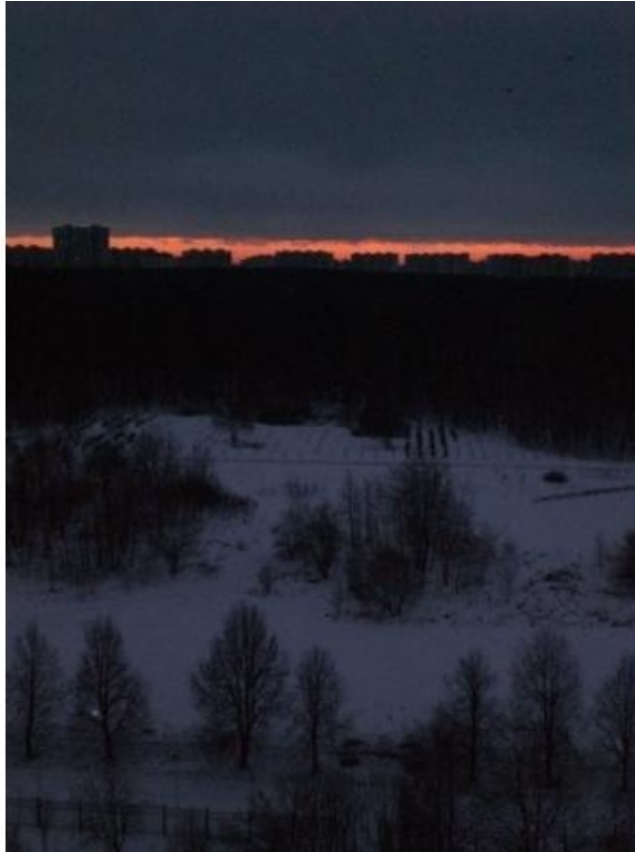
«Томительным покоем всё объято...»

Томительным покоем всё объято
на Небе и Земле.
И Солнца круг в последний миг заката
был явлен мне.
Сплетеньем судеб и страстей,
и крон сплетеньем, и ветвей —
жизнь так сплетеньями богата!
Но этот миг... последний миг заката...

«Полоской яркой отделил закат...»

Полоской яркой отделил закат
ночь, что придёт, от дня – почти вчерашнего,
а завтра будет утро, снегопад
и снег – ещё стремительней, бесстрашнее.

«А наутро – рассвет и чистейшее зимнее небо...»

А наутро – рассвет и чистейшее зимнее небо,
новый день – продолженьем всех прожитых лет,
и надежда, и свет – что порою насущнее хлеба...
Может, хлеб наш насущный – и есть та надежда и свет.

«Всего лишь три дня между этими фото...»

Всего лишь три дня между этими фото...
Но это для Солнца – совсем не работа,
а лишь появление, а лишь появление
в хорошем – весеннем уже! – настроении...

«Апрель. И в небо рвутся почки...»

Апрель. И в небо рвутся почки.
И птиц незримые комочки
такие выдают нам трели,
что сразу ясно: мы – в апреле!
И в знак особого доверья
все почки «распушили перья»,
и мне напомнили те почки
цыплят пушистые комочки...

«Тропинка к Солнцу...»

Тропинка к Солнцу
Тропинку видишь впереди?
Путь к свету, к Солнцу – вот он, рядом.
Пройди его не только взглядом —
всей плотью медленно пройди.
Неспешно, бережно, с доверьем
рукой погладь кору деревьев.
Вдохни все запахи вокруг,
подставь лицо дыханью ветра,
включи внимание и слух —
пойми, о чем здесь шепчут ветви.
Всему на свете удивись
и, словно в детстве, давнем, милом, —
босым и радостным! – коснись
земли, её горячей силы.
И, слившись с этой красотой,
возьми её в себя, с собою —
на жизнь, на память. На уход —
да будет он далёк и светел...
Но не о нём здесь шепчут ветви.
Не им здесь дышит небосвод.

«Так пронизано светом пространство вокруг...»

Так пронизано светом пространство вокруг,
что сквозь лист проступает отчётливо ствол.
Это Солнце – *живого* источник и друг
нам являет своё волшебство-естество.

«Здесь время дня и время года...»

Здесь время дня и время года
так ясно явлены Природой.
Здесь всё – и вечность, и мгновенье,
и жизнь, и свет, и озаренье.

«Весна. И первая трава...»

Весна. И первая трава.
И солнца мягкое сиянье.
И ветра чистое дыханье.
И кругом, кругом – голова,
и сердце учащённой бьётся,
и это – вместе всё! – зовётся...
– Весной?
– Не только. Жизнью, светом...
– А если нам... спросить поэта?
– От нас восторга не тая,
волшебным мигом Бытия
он тут же назовёт всё это.

**«Когда в душе наведены мосты, налажены
порушенные связи, пусть под ногами хлябь
и комья грязи – ты ощущаешь радость высоты...»**

*Когда в душе наведены мосты, налажены порушенные связи,
пусть под ногами хлябь и комья грязи — ты ощущаешь радость
высоты*

*А запрокинешь голову, и там — и в небесах и в ближнем
поднебесье — такой покой, такое равновесье, что воспарит
душою к небесам*

*И даже если тучи набегут, в их чёрных, развевающихся гривах
предвосхитишь ты радугу-дугу: все семь цветов и сотни переливов*

*И ощутишь – единым вдохом, разом, — и этого рассудку
не отнять: лучи Светила, льющиеся наземь, — дарованная сердцу
благодать*

О чём ты, Небо, спрашиваешь нас?

Синь неба, белоснежность облаков,
освобождают душу от оков
усталости, сомнений и бессилья.
Но даже там, в небесной ясной сини,
да, даже там, – подчёркнутый, чуть косо! —
стоит упрямый, вечный знак вопроса.

Смотрю, смотрю, не опуская глаз...
О чём же Небо спрашивает нас?
Во что мы верим? И куда идём?
Что ищем мы? И что в душе несём?
Какие беды, боли и обиды
возьмём с собой, в небесную обитель?
Но мы не знаем даже – мы откуда!?
И только чудо... только если чудо...

«Сначала было Небо для меня...»

*Сначала было Небо для меня...
И потому внимала жадным взором
там, в вышине, немислимым узором
ветвей в лучах закатного огня.*

*Потом стволов я различила строй
и, прислоняясь к плоти их корявой,
обнять, объять хотела все дубравы,
что в снах являлись мне ночной порой.*

*Так, приближаясь медленно к Земле,
сначала взглядом, а потом всей плотью,
я зависала на высокой ноте —
песнь о земном не удавалась мне.*

*Но вспомнилось, как давнею порой
цветы я собирала на пригорке
и предо мной – раскидисто и гордо —
чернели корни на земле сырой.*

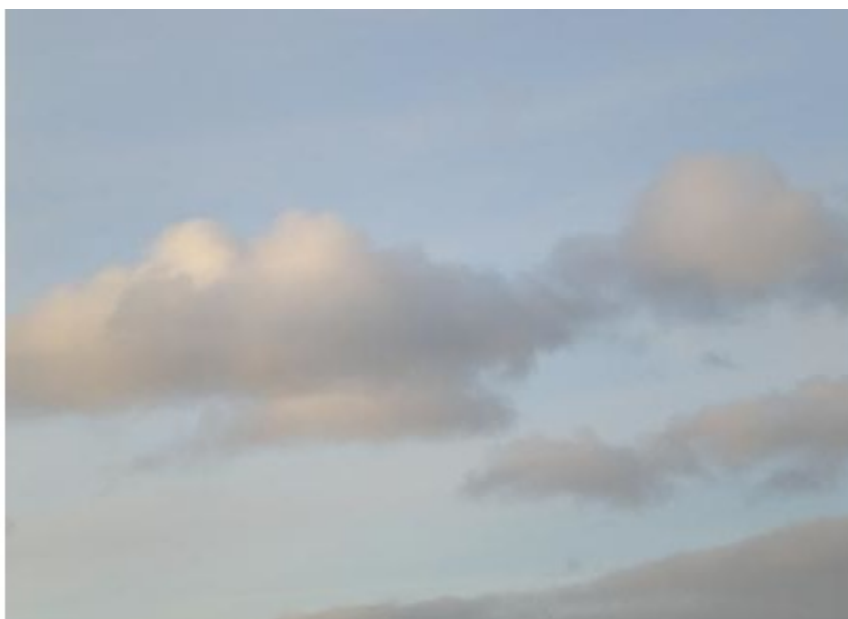
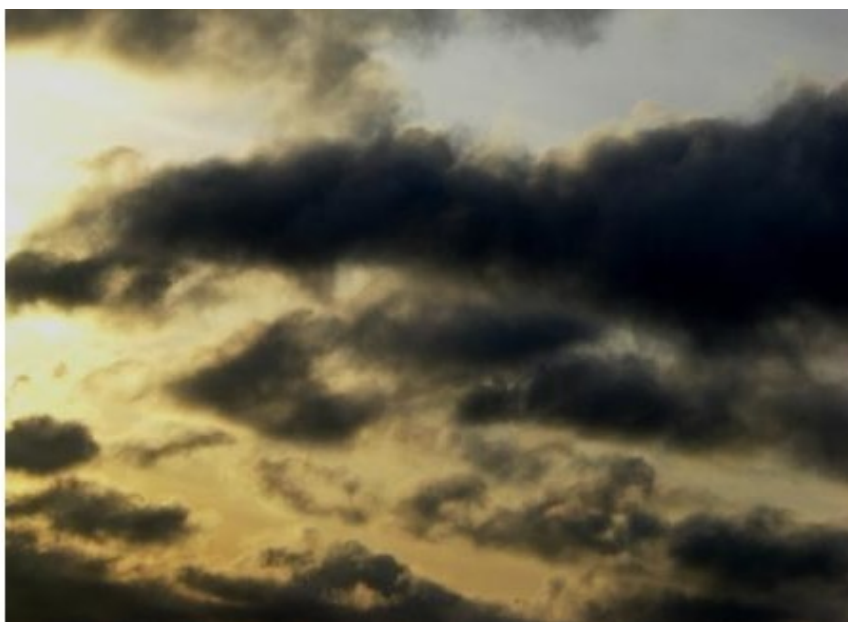
*И в этот миг – мне не забыть о нём! —
всем существом я ощутила Землю...
Земля и Небо – вы мой свет и дом,
вам, нераздельным, я отныне внемлю.*

«– Я грозное Небо считаю прекрасным...»

- Я грозное Небо считаю прекрасным.
Прекрасно и Небо спокойное, ясное.
- А мне и бесстрастное – всё благодать.
- Но что же ты этим хотела сказать?
- Немного дидактики, очень недлинной:
и крайности жизни, и жизни контрасты
нам жить помогают азартно и страстно.
И – верность хранить «золотой середине».

«Два облака белых – как мать и ребёнок...»

Два облака белых – как мать и ребёнок,
что за руки держатся перед грозюю.
Они – словно Свет перед грозною Тьмою...

«Из облака на синем Небе...»

Из облака на синем Небе
ветвями чудо проросло...
И мне бы так творить, и мне бы...
Но у меня лишь ремесло —
копировать живую данность,
себя ругая за бездарность.
И всё же... всё же... я сумела
(и это тоже, тоже – дело!)
и различить, и полюбить,
и фотоснимком сохранить
то вдохновенное мгновенье.
...И в ремесле есть *со-творенье*.

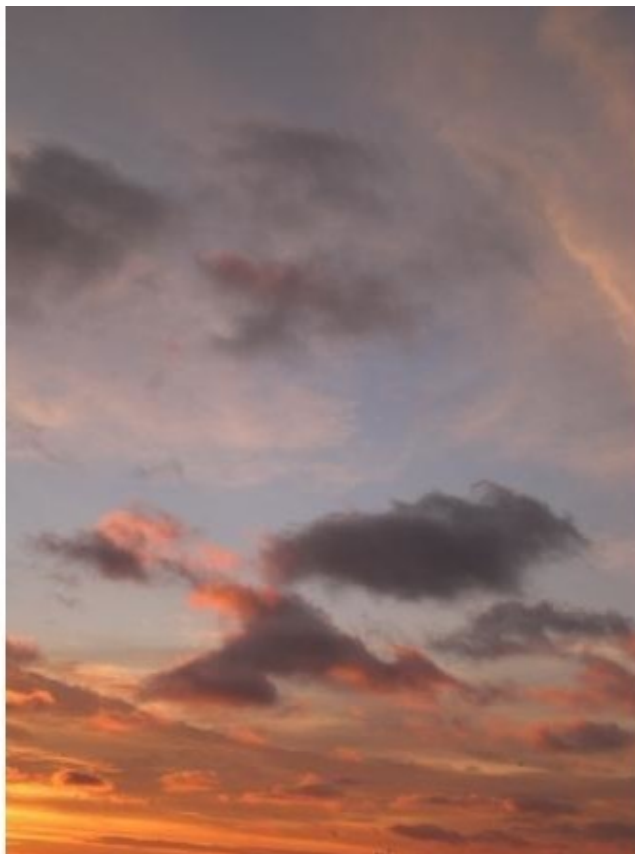
«Ветвей пленительная вязь...»

Ветвей пленительная вязь...
Вглядись, вглядись, не торопясь,
в такое сложное сплетенье...
А Неба тихое свеченье
поможет ощутить нам связь
со всем высоким, что нетленно
и в необъятности Вселенной.

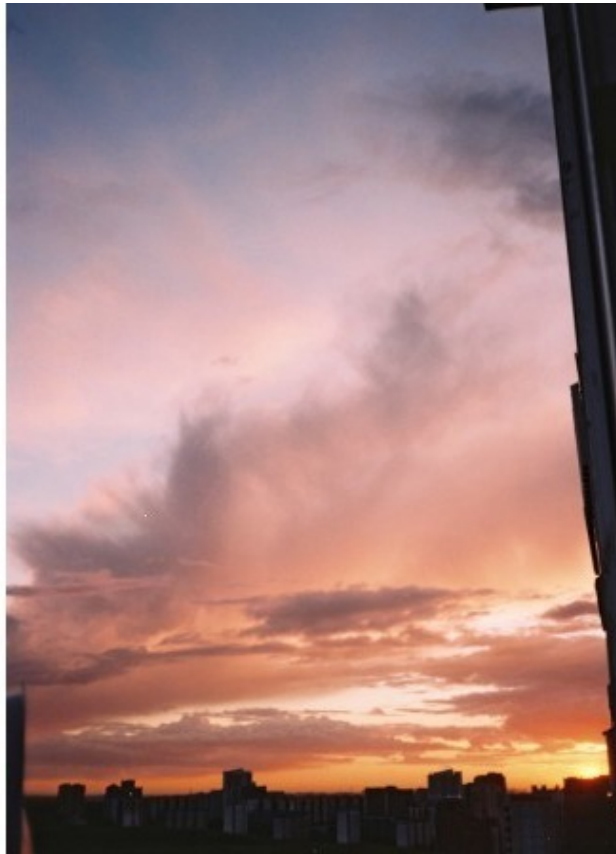
«В том высоком небесном свечении...»

В том высоком небесном свечении,
в том огне, в том живом полыхании
Жизнь, Надежда, Любовь, Вдохновение
обретают второе дыхание.

«Пожар на Небе – не земной пожар...»

Пожар на Небе – не земной пожар:
в нём не сгорят земные наши блага.
Пожар на Небе – страстность и отвага,
и творчеству – неоценимый дар,
что рифмами ложится на бумагу.

«Узор ветвей и нежность облаков...»

Узор ветвей и нежность облаков,
едва плывущих по небесной сини,
освобождают душу от оков
усталости, тревоги и бессилья...

«...А запрокинешь голову, и там —...»

...А запрокинешь голову, и там —
и в Небесах и в ближнем поднебесье —
такой покой, такое равновесье,
что воспаришь душою к Небесам.

«И даже если тучи набегут...»

И даже если тучи набегут,
в их чёрных, развевающихся гривах
предвосхитишь ты радугу-дугу
все семь цветов и сотни переливов.

«Движение, скорость в том облаке белом...»

Движение, скорость в том облаке белом,
как будто умчаться оно захотело
от грозной погони, от чёрной погони,
где чёрные тучи – как чёрные кони!
А мне-то, казалось бы, – что мне за дело
до тучи гривастой, до облака белого?
Но черные гривы летящих коней
и белые гривы летящих коней
мне помнить дано до скончания дней.

«Вы так близки мне, облака...»

«О, Господи... какие облака...»

О, Господи... какие облака...
И тянется, и тянется рука
запечатлеть – в рисунке ли, на фото —
высокую – Небесную! – работу...

Здесь, волю дав воображенью, мы
увидим туч чернеющих холмы.
Чуть выше взгляд – и перед нашим взором
предстанут туч чернеющие горы.

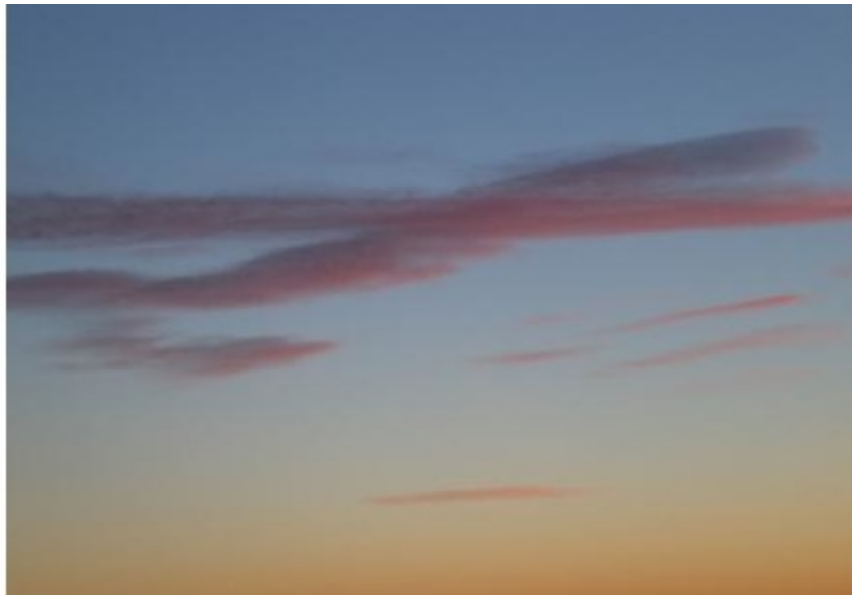
«А это – чем не сфинкс, не лев крылатый...»

А это – чем не сфинкс, не лев крылатый,
голубизной небесною объятый?
И, может быть, в стихии грозный час
он защитит от новых бедствий нас...

«Есть в небе тропинки свои и дороги...»

Есть в небе тропинки свои и дороги.
Они нас уводят от чувства тревоги,
от разных напастей – обида, беда ли —
в такие прекрасные светлые дали...

«Вы были целостным, большим...»

Вы были целостным, большим,
хоть были неба частью,
и сверху – свыше! – боль души
смягчали мне участием

«Но на моих, моих глазах...»

Но на моих, моих глазах,
здесь и сейчас – увы и ах —
от ветра, может быть, увы,
вдруг... стали рассыпаться вы.

«Зимой и летом, и весной...»

Зимой и летом, и весной,
в любое время года,
вы, облака, всегда со мной —
как дар самой Природы.
Вас, виденных воочью,
я вспоминаю ночью,
и память та светла, легка —
вы так близки мне, облака.

Вы были целостным, большим,
хоть были неба частью,
и сверху – свыше! – боль души
смягчали мне учащем.

Но на моих, моих глазах,
здесь и сейчас – увы и ах —
от ветра, может быть, увы,
вдруг... стали рассыпаться вы.

...Зимой и летом, и весной,
в любую непогоду
вы были, облака, со мной,
внимая с небосвода

на то, как я живу, дышу,
на радость и тревогу...
И вот теперь я вас прошу,
вас, тех, кто ближе к Богу,

я так прошу вас, облака,
вас, виденных воочью:
хотя б на час, на миг, пока, —
не рассыпайтесь в клочья!

«Вы объяснить сумели мне бы...»

Вы объяснить сумели мне бы,
да, Вы, Божественное Небо,
как в мире, суетном без меры,
нам относиться к Знакам Веры?
И тихо мне сказала Небо:
– Заботясь о насущном хлебе
и о душе, – не суетитесь,
в меня внимательней всмотритесь:
я то спокойно, то сурово,
то радостно, а то печально...
Важней не Знак, а Вера в Слово,
что есть (и было...) – *изначально*.

«Потом, совсем потом, уже в тиши...»

Потом, совсем потом, уже в тиши
скажу себе, припомнив птичью стаю:
не всё – не всё! – разгадывать спешу,
в душе храня Небес живую тайну.

«Осенние кроны и синь поднебесья...»

Осенние кроны и синь поднебесья
так слиты, как слово и музыка в песне.
А разум стремится понять, разгадать —
земная, небесная то благодать?
Но сердцу не нужно такого деления —
дороже ему этот свет единения...

«Ты, Дерево, живое существо...»

*Ты, Дерево, – живое существо
по-своему изогнут каждый ствол,
причёска – крона, рубище – кора...
А осенью, когда придёт пора, меня обнимет жёлтый листопад —
кудрей твоих пленительных каскад. Восьмое чудо, чудо из чудес,
о, Дерево, ты и одно мне – лес!*

«Слов не ищи – молчаньем отзовись...»

Слов не ищи – молчаньем отзовись
на эту красоту, на эту высь,
на сочетанье нежности и силы,
на единенье Неба и Земли,
на Дерево, что их соединило...
И этой нераздельности внемли.
Врастая корнями в Землю,
а кроной держась за Небо,
ты, Дерево, подтверждаешь
жизнью своей и статью,
что нет ничего надёжнее
и нет ничего дороже
той «золотой середины»,
что жизни даёт устойчивость.
Но Человек – исключение
из этих природных правил —
мечется между крайностями...
Но этим живёт и – творит.

Как в природе этакое строится?

Как в Природе этакое строится?
Трое – вместе... А точнее – Троица.
...И вьюги-метели мели,
и ветры холодные дули,
но вместе деревья росли
и к небу листву дотянули.

Стволы и корни

Стволы и корни. Их не разделить:
из них, по ним Природа тянет нить
к зеленым листьям, их живому буйству...
Не отходи. Дыши. Учись. Любуйся.

Столбы и листья

От земли совсем недалеко
из ствола пробилась к свету листья...
И на сердце сразу так легко,
и светлей, спокойней, мягче мысли.

Кроны

Кроны – как высокие короны.
А над ними – выше, выше, выше! —
звуки сфер, небес святые звоны...
Только я не вижу и не слышу,
даже взгляда вверх не поднимаю, —
только кронам я сейчас внимаю.

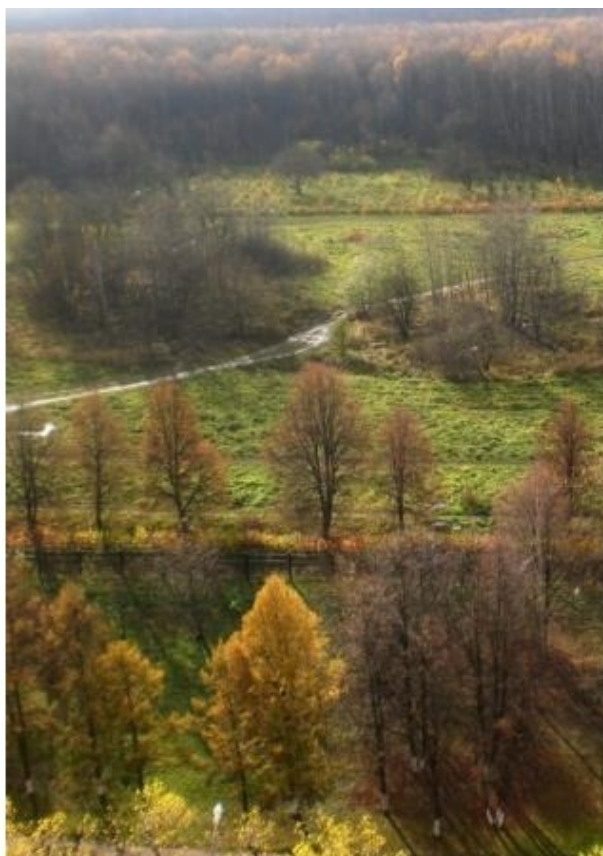
«**Душа наполненно-светла...**»

Душа наполненно-светла:
я праздную – о нет, не дату,
а золотые купола
берёз в сиянии заката.

«О, если с балкона, хотя бы с балкона...»

О, если с балкона, хотя бы с балкона
смотреть на осенние пышные кроны,
на это природное животворение —
решишь, что ты птица в высоком парении...

«Зима. И кронам оголённым...»

Зима. И кронам оголённым,
в себе самих почти уединённым,
не тягостно, не страшно и в ночи.
Всмотрись в их очертанья. Помолчи...
Их высь зовёт. Уже почти отживших.
Отзеленевших в юности своей.
Но светел дух. Дух не бывает «бывшим».
И высь зовёт. Чем дальше – тем сильней.

Ветви

Ветвей чернеющих узор,
тревожно-трепетный, печальный
и, словно в горький миг прощальный, —
судьбе неведомой укор.

«Обычные ветви...»

Обычные ветви,
обычные ветки
немыслимо разной —
весенней! – расцветки.
А в их сердцевине —
весенние соки,
что поят цветы
и соцветья, и листья...
И тают, и тают
тревожные мысли,
в том животворении —
светлом, высоком.

Ветви и листья

Там, в вышине, вы, листья, как на троне, —
на гордой, в небо устремлённой кроне.
Но холодом сменяется прохлада
и наступает время листопада,
и кроне вас приходится терять...
А ветви, что внизу вас поддержали,
вас бережно и нежно покачали,
не торопясь на землю отпускать.

Листья

Наши краски сравнимы лишь с солнцем —
и свежи, и чисты, и легки.
Почему ж увяданьем зовётся
это с чьей-то «нелёгкой» руки?!

«Сошёл листопад на поверхность пруда...»

Сошёл листопад на поверхность пруда,
у берега чуть зеленеет вода,
а жёлтые листья поодаль, на кронах
(на их очертаньях, в воде отражённых), —
как будто на легком и прочном плоту...
Те листья – живые: они – на плаву.

«Неужели, неужели, – шепчут листья, —...»

Неужели, неужели, – шепчут листья, —
мы когда-то жили там, в небесной выси
и так ярко, так азартно зеленели,
и меж нас звучали птичьи трели?
Неужели? Неужели? Неужели...

«Там, в небесной чистой выси...»

Там, в небесной чистой выси
вижу листья. Просто листья,
что на веточках повисли.
Отжелтели. Потемнели.
На невидимых качелях
откачались на ветру.
Я такими, да, такими,
листья, в память вас беру.

«Когда последний лист на твердь ложится —...»

Когда последний лист на твердь ложится —
предзимнюю, холодную и серую —
во мне земное тленности боится,
ну а душа – в своё бессмертье верует.
Как лист, уже коснувшийся земли,
как мысль, что забывается невольно,
как легкий звук, растаявший вдали,
уходит Время – тихо и не больно,
расставив меты на своём пути...
И я хочу однажды так уйти.

Последний лист

Что видим мы – то знаем мы?
Нет – если только взгляд коснулся,
а строй душевный не проснулся...
Не до земли, а до зимы
тот лист последний дотянулся

А этот лист упал на снег
и там – один – не прозябает,
и снится, снится ночью мне...
И одиночество снимает.

СТВОЛЫ

Как две свечи – берёзы два ствола:
одна свеча – гореть не захотела,
другая – светоносною была
до гибельного часа, до предела.

«Я знала дерево, что сбросило кору...»

Я знала дерево, что сбросило кору.
Зачем оно свой облик изменило?
Какая, мне неведомая, сила
его так обнажила на юру?
А это Дерево? Оно – не на юру,
но тоже, тоже сбросило кору,
и та же, мне неведомая, сила
его так беспощадно обнажила.

«Причудливо изогнуты стволы...»

Причудливо изогнуты стволы.
Судьбой? Стихий? Что одно и то же.
Из них когда-то сделают столы,
но их сегодня это не тревожит.

Кора

День летний, а душа, как в октябре.
Опять спешу, но в грустно-вечном беге
вдруг различу не будущие снега,
а юные, зелёные побеги
на старой и морщинистой коре.

«У коры берёзовой невольно я...»

У коры берёзовой невольно я
задержала взгляд свой и шаги:
ромбы, пирамиды, треугольники,
контур волн, зигзаги и круги...
Что же нам пыталась рассказать
этих иероглифов печать?

«Здесь на коре берёзовой, осенней...»

Здесь на коре берёзовой, осенней
вдруг пламени я вижу языки —
отчётливы они и высоки,
как память о берёзовых поленьях,
что падали в очаг тепла домашнего
или в костёр, где жгли еретиков,
ну а вчера, к закату дня вчерашнего,
вдруг стали темой для моих стихов.

«А здесь, а здесь – всю ночь и на заре —...»

А здесь, а здесь – всю ночь и на заре —
любовник спал в объятьях девы милой
и обнимал её с сердечным пылом...
Ну а берёза на своей коре
его кардиограмму отразила.

«Вот птица многокрылая. Она...»

Вот птица многокрылая. Она
так жадно к Небу, ввысь, устремлена.

«И абрис древних, вечных пирамид...»

И абрис древних, вечных пирамид
кора берёзы на себе таит

«А это – чем не колокол, чей звон...»

А это – чем не колокол, чей звон
ветрами до берёзы донесён?

«У коры берёзовой невольно я...»

*У коры берёзовой невольно я
задержала взгляд свой и шаги: ромбы, пирамиды, треугольники,
контур волн, зигзаги и круги...
Что же нам пыталась рассказать*

этих иероглифов печать?

*Здесь, на коре берёзовой, осенней
вдруг пламени я вижу языки —
отчётливы они и высоки,
как память о берёзовых поленьях,
что падали в очаг тепла домашнего
или в костёр, где жгли еретиков,
ну а вчера, к закату дня вчерашнего,
вдруг стали темой для моих стихов.
А здесь, а здесь — всю ночь и на заре —
любовник спал в объятьях девы милой
и обнимал её с сердечным пылом...
Ну а берёза на своей коре
его кардиограмму отразила...
Вот птица многокрылая. Она
так жадно к Небу, ввысь устремлена.
И абрис древних вечных пирамид
кора берёзы на себе таит.
А это — чем не колокол, чей звон
ветрами до берёзы донесён?*

...О, тайные Природы письма, в вас Мирозданья летопись видна

«Бросаю взгляд неспешный свой окрест...»

Бросаю взгляд неспешный свой окрест
и на коре берёзы вижу... крест.
Мне издали казалось – тот надрез
безжалостно выполнен рукою.
Но подхожу... да нет же, этот крест
был сотворён Природою самою!
И бросив взгляд на Деревя вокруг,
своей любви к ним сохраняя верность,
я поняла почти внезапно, вдруг,
что этот знак – судьбы закономерность,
что Деревя (да, каждое из них!)
ненужными сомненьями не мучась,
сквозь годы прорастая, каждый миг
*несут свой крест – свою земную участь, не тяготясь ни вьюгами,
ни зноем*
вершат предназначение земное:
жару смягчая долгожданной тенью,
нас укрывают под своею сенью
и крон высоких тихим шелестеньем
дают надежный радостный приют
для птичьих гнезд и птичьих песнопений —
пускай себе летают и поют,
и в твердь земную уходя корнями,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.